

БЕСЦВЕТНОЕ ПИАНИНО

Джасминь Джасфаров

Джамиль Джафаров

Бесцветное пианино

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73428668

SelfPub; 2026

Аннотация

В мире, где небеса давно закрылись для ангелов, начинается история о поиске себя, искуплении и борьбе за утраченный свет.

Главный герой, чудом избежавший вечного заточения, оказывается в незнакомой реальности – без прошлого и без воспоминаний о том, кем он был. Пытаясь понять свою природу и обрести смысл существования, он отправляется в путь, который меняет всё.

Судьба сводит его с той, что была предназначена ему сквозь жизни и миры. Вместе им предстоит пройти через радость и боль, потери и надежду, столкнуться с тайнами нового мира и истиной, способной перевернуть их судьбы.

Но действительно ли всё так просто в этом загадочном мире, где, по преданию, Творец однажды оставил своих детей?..

Джамиль Джафаров

Бесцветное пианино

Прошла уже не одна жизнь, но мое сердце до сих пор подвластно воспоминаниям о той, которую я любил. У тех, кто обрел вечность, душа заживает гораздо медленнее. Я встретил Элли еще молодой девушкой. Она любила дождь, поэтому в Хильде Гарде так часто идут дожди. Становясь ветром и призывая облака, она смотрела на меня голубыми глазами, которые не теряли цвета, даже когда в них отражалось пасмурное небо. Я мечтал подарить ей весь мир, который видел с высоты, паря в облаках, взять ее за руку и никогда не отпустить. Я являлся к ней в образе человека, и мы стали близкими друзьями, но, увы, я не мог дать ей большего. С течением времени она рассказала мне, что собирается выйти замуж, и хотела, чтобы я был ее гостем. Я осознавал, что этот человек способен сделать ее счастливой, в отличие от меня. В конечном итоге она провела всю свою жизнь с этим человеком. У них родились прекрасные дети, которые, в свою очередь, подарили им внуков. И все это время я наблюдал за ней с облаков. Боль на долгие годы поселилась в моем сердце, и в конце концов я решил исчезнуть из ее жизни раз и навсегда. Шли годы, летели дни, медленно забирая мою Элли. Я

оставался таким же молодым, а она доживала свой век, но, несмотря на это, моя любовь к ней не гасла. И в ее последний день я пришел за ней. Дождь, что лил в тот вечер, был моими слезами. Она сидела у камина, задумчиво размышляя о пройденном жизненном пути. Подойдя к ней, я положил свою мокрую от слез ладонь на ее плечо и прошептал: «Время идти, дорогая Элли». Обернувшись, она узнала меня и не выразила удивления. Лишь улыбнулась и сказала: «Я всегда знала, кто ты. Спасибо тебе, что был со мной все это время. Ты всегда у меня в сердце, мой друг».

Она попросила меня присесть рядом с ней, и в ее усталых глазах отражался теплый свет каминного огня.

– Ты все такой же, как и раньше... – нежно прошептала Элли. Не найдя слов, я просто смотрел в ее глаза, изредка отворачиваясь к камину, чтоб его пламя высушило слезы. – Оберегай моих родных, как ты оберегал меня. Они так же, как и я, любят дождь.

Из любимых глаз потекли слезы прощания. Я обнял ее, прижав к себе, и упокоил ее душу. Ее сердце затухало вместе с моим. С тех пор в Хильде Гарде всегда идут дожди, и некогда тонкие веточки ивы, что я посадил в ее честь, теперь густо покрывают своими листьями ее имя, высеченное на камне, а сами деревья давно уже выросли и вскоре своими кронами коснутся облаков. Если бы я только мог на короткий миг поселиться в ее сердце, то давно стал бы смертным, но я слишком предан творцу, и, увы, эту черту мне не пересечь.

Когда я пролетаю над раскаленной пустыней, мое сердце все так же холодно, но при воспоминании истории любви двух сердец, которая выпала на мой долгий век, мое сердце вновь наполняется теплом.

Глава I

Никто

В моей камере, как всегда, царила тьма. Свет от качающейся лампы робко топтался у порога, так и не решаясь заглянуть внутрь. Открывающаяся с невыносимым скрипом дверь камеры на короткое мгновение позволяла свету ненадолго проникнуть внутрь. В эти секунды глаза, что научились видеть во тьме, слепли, будто миллиарды тонких игл пронзают их, причиняя боль всему телу, оставляя за собой лишь темные пятна. Так было и сейчас, когда в очередной раз человек невысокого роста, в обшарпанной форме, с трудом отперев эту тяжелую дверь, катнул похлебку. Не спеша он цинично окинул камеру взглядом, подтверждая свое превосходство и удовлетворяя свое эго. В его взгляде в который раз читалось: «Знай свое место». Потерев блестящую медаль рваным рукавом, он уйдет, закрыв дверь на несколько замков. Спустя время, когда тьма поглотит остатки света вместе со мной, я вновь буду видеть сквозь черное покрывало. Вновь буду искать ответы в прошлом, пытаться разобраться в том, что происходит. Помню лишь выжженную землю подо мной, и рыжие колосья молодой пшеницы, что вихрем тан-

цевали вокруг и были частью какого-то жуткого спектакля. Далее – люди, пытающиеся совладать с животным страхом, беспорядочно толкая друг друга в мою сторону, как мясники, принесшие агнца на заклание. Следом была лишь тьма в камере. Первое время меня сторонились, я бы сказал, что видел страх в глазах, но с каждым разом его становилось все меньше, и чувство страха сменилось превосходством. Словно китобои, что укротили древнего кита. Иногда я слышал призрачные шаги за дверью и голоса, которые с растерянностью обсуждали то, что находится в камере. Предполагаю, что эти люди хотели просто продать меня. Думаю, когда ты натыкаешься на человека, упавшего с неба посреди выжженного поля ржи, именно такие мысли тебе и придут в голову. Лишь ночью эти мысли стайей тысячи птиц улетали вслед за солнцем, оставляя меня, такого пустого, наедине со звездным небом. Каждую ночь два человека в определенное время открывали крышку ямы, в которой я находился. Металлический люк, собрат ржавой двери, открывался на полтона ниже, но с не меньшим грохотом. Открывали его, чтоб при дожде я мог смыть с себя остатки грязи и в этом сыром месте заснуть от бессилия. И всякий раз, когда шел дождь, я наблюдал небесную гладь, покрытую алмазами, будто что-то великое и непонятное нашему уму укрыло огромной темной скатертью, проделало миллионы маленьких дырочек и скрыло этот мир от чего-то более прекрасного. Ветер как небесный пастух пригонял пару обиженных облаков, отбив-

шихся от стаи, и под рев небесного барабана с неба падала вода. Я мог слышать музыку ветра, что доносила эхо сухих каньонов, перемешиваясь с пением китов из далеких океанов. Каждый раз дождь бил по камням, стачивая их, придавая им новые формы, подобно невидимому скульптору, что долго и верно создает свой шедевр. Изменялся и я, стоило этому водному занавесу укрыть меня от всего вокруг. Ветер берег тепло каждой капли для меня, стараясь не расплескать заветную воду. Сыграв напоследок свою любимую мелодию, он отправился в новое путешествие, чтоб и дальше дарить жизнь природе. Именно так я и живу уже который месяц. Страшно не помнить, кто ты... Нет даже приятных, теплых воспоминаний, к которым любой из нас может обратиться в трудную минуту. А может, у меня есть дом? Может, в этом доме меня ждут родные? Слишком много вопросов... слишком много.

Я терял счет бесконечным дням. Они пролетали вместе с падающими звездами, растворяясь в пучине необъятной вселенной безвозвратно. По пению соек можно было понять, когда вернется весна. Сегодня они пели особенно красиво, но прекрасное пение прекратилось, когда в очередной раз оглушительной звуковой волной, отражаясь от прочных бетонных стен, создавая и без того продолжительное эхо, завывала, застучала, а потом и вовсе отворилась стальная дверь.

Все тот же охранник на фоне этой громоздкой двери казался еще мельче, чем он есть. Его форма с каждым разом

покрывалась новыми пятнами, а прежде мелкие дырки в его мундире становились только больше. В моей голове все так же пела сойка, я не хотел с ней прощаться, как вдруг мой слух уловил его растерянный, но пытающийся быть властным, с легкой хрипотцой от зажима в горле вопль.

– Вставай!

Встав, я по привычке схлестнул ладони и не смог их соединить, будто в очередной раз пытался обратиться куда-то высь. Я был гораздо выше, но все равно не смотрел на него сверху вниз. Мой взгляд был направлен сквозь него, от такого стражник торопливой походкой надел на меня кандалы и, приставив ко мне какой-то огнестрел, велел выйти в коридор. С каждым шагом песня сойки становилась все тише, и я, кажется, начал пробуждаться. Чувство неизвестности с каждым шагом становилось все отчетливее. Куда он меня ведет? К свободе? К смерти? Я вижу свет в конце коридора, но что там? Лишь на середине пути висела одинокая лампа, огонек которой содрогался всякий раз, когда в коридор заскакивал ветер. Огонек танцевал, создавая тени на отбитых и сырых от плесени стенах. Полпути было пройдено, а голове мысли вили кровавые гнезда. За пару-тройку шагов я задался вопросом: что же там за горизонтом, что делит жизнь на до и после? Будем ли мы пить молоко из бесконечных белых рек в райском саду, и каждый день будет вечным наслаждением? А может, мы просто перестаем быть? Тело будет гнить где-нибудь в земле, а о тебе станет напоминать лишь могильный

камень. И та память о тебе постепенно увянет с последней слезой того, кто помнит. Так ради чего умирать? Страх берет верх над отчаянием, затем отчаяния становится настолько много, что оно и вовсе затмевает страх, но потом из ниоткуда тебе открываются берега единственной надежды. Будто кто-то шепчет, положив руку на плечо... Пстой... еще не время. Полпути позади, донесся ее последний щебет, как вдруг издалека, как раскаты грома, начали доноситься вопли и крики толпы. С каждым шагом гул становился все громче, но его перебивал хлесткий и такой же глухой звук ударов кулаков. Под открытым небом, среди неподступных стен располагалась арена в форме круга. Еще теплая кровь пузырилась и густела на полу, иногда стекая с окраин. Толкаясь среди толпы, пробежал самый проворный из всех стражников, в руках которого звенели монеты. С жадностью он принимал очередную порцию золотых, боясь их растерять. К моим ногам упал заключенный, которого позже волокли куда-то прочь. И тут я осознал, что мое время пришло. Люди на миг замолчали, вспомнив, кто именно вступил на арену. Каждый показывал пальцем, шепча рядом стоящему так, чтоб я не услышал. Это он! Смотри, это он! Передо мной предстал мой соперник, та же несчастная душа, чьи крики сливались с множеством других. Когда он поднял свои руки, чтоб поприветствовать толпу, молчание наконец было прервано. Люди с еще большим надрывом стали вопить, пытаясь перекричать друг друга. Это был сильный воин, прожженный не одной битвой и

не одним поединком. Сутулая спина подчеркивала его крепкое тело, усеянное шрамами. Несмотря на сутулость, он был в разы выше меня, не говоря уже о превосходящей физической силе. Его угрюмое лицо сквозило из-под морщин, и в его взгляде я прочитал, что конец приближается, и он обещает быть быстрым и безболезненным. Буря внутри меня не утихала, а берега единственной надежды сливались с горизонтом, оказавшись миражом. Я чувствовал, что конец близок, но не было ни страха, ни отчаяния.

Бой начался. Мы присматривались друг к другу, изучали слабые места, чтоб нанести тот заветный удар, который приведет к победе. И в один миг мы вцепились друг в друга, пытаясь разорвать этот порочный круг. В это мгновение мы стали животными в людском обличии. Он подобно медведю пытался задеть меня своими широкими размашистыми ударами, в то время как я, уподобившись голодному волку, лишившемуся стаи, пытался вцепиться ему в шею. Вопли и топот стали невыносимыми и превратились в непрерывный рев. Сбившись с толку, помню лишь, как на меня обрушился шквал едва уловимых, но сильных ударов по груди. От прожигающей боли по щеке было пробежала слеза, которая утонула в луже загустевшей крови под ногами. Затем, сдержав слово, последовал сильнейший удар в челюсть, который и являлся заключительным аккордом в нашем негласном соглашении. Тело перестало меня слушаться, как и мой разум. Все покрылось белой пеленой, ноги стали мягче ва-

ты, и я рухнул на пол. Крича изо всех сил, поднимая свои мощные и тяжелые руки вверх, сегодня он праздновал очередную победу. Люди радовались, ликовали, что заработали пару золотых на смерти одного человека. Мое бездыханное тело поместили в окровавленный мешок. Я судорожно пытался вдохнуть, но воздух предательски выбивался у меня из груди. Как вдруг гул толпы постепенно угас, и я вновь услышал пение сойки. Затем и вовсе сквозь красные пятна попыталось пробиться закатное солнце. Меня куда-то несли, иногда роняя так сильно, что чувствовал, как доламываются оставшиеся кости. Затем мешок резко открылся, и первое, что я увидел, – это надменное лицо, которое смотрело прямо в залитые кровью глаза. Далее выстрел... Дымку от пули развеял примчавшийся ветер. Я был мертв, но четко осознавал, что со мной происходит. Моя душа так и рвалась прочь из моего тела. Я переставал чувствовать ту боль, что поселилась в теле. Пока я пытался вдохнуть последние мгновения, моя душа еще несколько раз вырывалась наружу, но что-то ее заставляло вернуться. Она стремилась к Богу, устав от этой мирской жизни, от вечных мучений и истязаний. Она жаждала скорейшего суда, разрешения спора с Богом и входа сквозь небесные врата. И быть вечным пленником в аду была согласна, ибо в преисподней не будет таких мучений, как на этой земле. Почему она не улетела, что или кто заставил ее остаться? Ударив в небесные барабаны, ветер вновь обрушил на эту землю дождь. Стражники, чтоб не промокнуть, в

спешке сбросили мое бездыханное тело вниз к бурной реке. Я катился целую вечность, и, казалось, я попаду в течение Стикса. Но вместо адской реки меня окутала молодая вода недавно оттаявшего горного снега. Река несла меня подобно небесной колеснице, вода пыталась залечить мои раны, а небесный гром – разбудить меня от летаргии. Бурным потоком она унесла меня вдаль от этого проклятого места, омывая и залечивая раны своей водой. Когда опасность миновала, бурный поток успокоился, и она бережно оставила меня на сыром берегу, рядом с которым в унисон качались от легкого дуновения ветра белые полевые цветы.

От моего глубокого вдоха содрогнулась листва, я не мог надышаться. Открыв глаза в почти утопающем закатном свете, я пытался разглядеть раны, которые мне нанесли ранее. Но каково было мое удивление, когда я осознал, что я более чем жив. Я хлопал себя по груди в надежде нащупать хоть ссадину, и с каждым разом хлопки мои становились все сильнее. Но с каждым хлопком чувство, что это лишь сон, уходило вслед за солнцем. Моя одежда сливалась с немногочисленными горстями снега, которые остались тут благодаря холодному течению бушующей реки. Поднявшись с земли, я окинул взглядом вокруг и увидел, как вниз по реке простирается бескрайняя долина, усыпанная изумрудом, подпудренная белоснежными цветами. Но посмотрев вдаль с высоты этой горы, я увидел то, что притянуло меня. Небывалого размера дерево, у подножья которого, по всей видимости, рас-

полагалась деревушка, судя по легким, едва заметным клубам дыма и таким же огонькам, которые возгорались в окнах с наступлением сумерек. Казалось, что это дерево, как заботливый родитель, укрыло своей кроной жителей деревни, обладая безграничной мудростью этого мира. Казалось, она не дрогнет под самым сильным ветром и без ее ведома не падет не единый листок. Она была защитником, гордо стоя одна посреди этой изумрудной пустыни, пустив свои корни так глубоко, что сложно было вообразить, а крона густым зеленым мазком щекотала листьями небесный потолок. И все это было очерчено горной цепью, острые пики изогнутой формы будто преклонялись перед чем-то более могущественным, чем они. В острых каменистых пиках отражалось уходящее солнце, а ослабевшая зима все еще напоминала о себе и, как незваный гость, решила посетить меня. Я был не в силах ей отказать, ведь скоро она надолго покинет нас. Пока не пришла великая художница-ночь со своими прекрасными картинами, я решил подготовиться и разжечь костер. Достав сухие ветки на склоне, я пытался вызвать огонь, как в незапамятные времена. Перетирая сухие ветки друг о друга, стружка дубовой коры начинала дымиться. И вот через некоторое время некогда слабый дымок перерос в легкое танцующее пламя. Меня посетила мысль, как такой малый может испепелить целый лес или города, превратившись из заботливого, способного накормить и подарить свое тепло костер в неистовый, всепоглощающий, сметающий все на своем пу-

ти пожар. Так много общего с человеческой природой... Тем временем я кормил огонь ветками, чтоб потом он так же накормил меня. Наступила ночь...

Глава II

Глазами слепца, мир увидавшего

Ночь была прекрасна. Наконец я мог видеть ее в полной красе, а не сквозь крошечное отверстие. Звезды, подобно множеству миров, мерцали вдали, стараясь привлечь внимание наблюдателя. Герб ночи, луна, словно огромный космический фонарь освещала нашу землю призрачным, едва заметным, холодным, голубоватым светом, а звезды были похожи на многомиллионную армию ночных богов, что охраняли свой пост, не пропуская ни один луч солнца к своему главному ночному светилу. Я сидел на согретой костром почве, как вдруг где-то в глубокой тьме почувствовал чье-то присутствие. В кромешной тьме вспыхнули два ока, в которых отражался свет от моего костра, и это было похоже на рождение двух маленьких бесов. Пламя с неким страхом и любопытством осветило того, кто вышел из густой пущи. Ночь постепенно спускала шторы, и можно было увидеть вначале черный мокрый нос, который пытался учуять, кто именно перед ним. Затем и вовсе глаза, что некогда выдавали грозного хищника, оказались испуганными и полными удивления. Это был маленький волчонок, который решил ненадолго отлучиться из своей стаи, пытаясь доказать, какой

он взрослый. Он боялся не меньше меня, но животный интерес, лишенный всякого рассудка, взял верх. Взглянув на него получше, я увидел, как он, медленно и прихрамывая, пятится назад, при этом сохраняя свою волчью не сломленную гордость. Он стоял смиренно, хоть и с трудом, на своих четырех, показывая мне, что он истинный хозяин леса. Своим непокорным взглядом он практически задавал мне вопрос: «Скажи, человек, кто ты мне, друг или враг». Я стал ему другом, он, почувствовав это, ринулся в мои объятия. Из властного хозяина леса он превратился в ласковую домашнюю кошку. Я гладил его пушистую, мягкую шерсть снежно-белого окраса с серыми полосами, а он прижимался ко мне все сильнее, пытаясь согреться в прохладный зимний, почти весенний вечер. Я увидел ужасные укусы на его шее. Вдруг его прекрасная белоснежная шерстка покрылась размытыми кровавыми пятнами. Я обнял его еще крепче, прижал к сердцу. Мы были с ним похожи. Такие же одинокие и обманутые своими. Он был искусан и предан своими же сородичами, а меня медленно убивали подобные мне. Мы были с ним два одиноких волка или два человека со сломанной судьбой. Теперь у меня был собеседник. Мы говорили на одном языке, языке мыслей. Уже можно было кое с кем обсудить прекрасное ночное небо над головой. Я обнял своего нового маленького друга, как маленькую плюшевую игрушку, и заснул крепким сном младенца.

Утро. Солнечная полоска лениво ползла по зеленому ко-

вру, поглощая меня с головой. Согретый лучами весеннего солнца, я не имел шансов больше блуждать в своих снах и проснулся в мире, где весна попрощалась с зимой. У нее есть что показать. Она подобна актрисе, что обрела свою музу, которая полностью овладела ее умом и душой, пыталась показать все и сразу, все то, что она готовила, будучи за кулисами. Весна – поистине магическое время, которое наполняет каждый вздох неизмеримым желанием жить, добавляя палитру красок в некогда спящий под снегом мир. Она подобна бабочкам, парящим вокруг цветов, и, как они, она умирает молодой и красивой, чтобы вдохнуть жизнь в этот мир и наполнить его чудесами. Мой белый друг, видимо, проснувшись раньше меня, пытался носом нагнать все тех же бабочек, балуясь, наводя суету на ленивых жителей леса, при том постоянно чихая от поднятых ветром ввысь волосков полевых одуванчиков. Он подбежал ко мне с удвоенной радостью, в надежде, что я разделю с ним его забавы. Я хлопал его по спине, почесал за ухом в знак своей благодарности. Неохотно поднявшись с зеленого ковра, я направился в сторону деревни, что располагалась у подножья огромного дерева, которую я видел ранее. Я шел по тропе вдоль реки, а вокруг все так же стояли зеленые гиганты, которые расступались для меня, чтоб поделиться со мной частичкой рая на земле, которую они взрастили. Вода, текущая с небес, была прозрачной, как горный воздух, и она могущественно сталкивалась с отточенными веками камнями, создавая звук

природного конца своего путешествия. Вернувшись с юга перелетные птицы всего леса оказались в этом скрытом от людей месте, пытаясь петь в унисон, так же, как и я, были рады весне. И все это огибала семиполосная дорожка, которая мелькала как мираж в самой жаркой пустыне под водопадом. Волчок стремительно побежал к водопою и принялся радостно плескаться в прохладной воде. Медленно спускаясь, я ухватился за изогнутые деревья, исследуя склоны в поисках менее крутого спуска. Таки спустившись и встав на берегу, где мелкий окатыш растирал уставшие пятки моих ног, я так же не мог устоять и погрузился вслед за моим другом, окунувшись в прекрасный малый подводный мир, в котором мелкие рыбешки кружились в бесконечном вальсе, создавая ощущение безмятежности и спокойствия. Мой верный друг между тем наслаждался водными забавами, пытаясь догнать подводных обитателей и нарушить их гармонию. Он словно стремился познакомиться с каждой рыбкой в этом водном мире. Встав под водопад, я на мгновение стал тем камнем, что точит вода, придавая ему многогранные формы. Вода, стекая, смывала остатки жизни вне воли, и я, как те тысячи птиц, что летели у меня над головой, готов был отправиться вслед за ними. Вода также дала мне имя, когда я потирал клеймо, которым меня наградили. Едва заметной белой нитью с легком бугром на моем запястье виднелся шрам, что-то вроде «R I-100». Я произнес вслух... Ристо? У каждого должно быть имя, теперь оно есть и у меня.

Сидя на скале, я провел там долгое время, внимательно разглядывая водопад и стремясь уловить каждую его крошечную деталь. Все мои мысли, легкие как полуденные облака, медленно настигали меня. Я задавал себе вопрос, что дальше, каков мой следующий шаг? Не оставаться ведь в этом лесу навечно, все же я был гостем на этих землях. Настойчиво решив идти в сторону деревни, я отправился в незнакомом мне направлении. Пройдя пару часов, я услышал вдалеке рев мощного и древнего мотора. Он был настолько стар, что с каждым нажатием на педаль кашлял как старый дед, который никогда не расставался со своей трубкой. Я бежал в сторону шума, а мой верный спутник сразу же присоединился ко мне. Объединившись с волком, впитав дух природы, я почувствовал, как сила этой местности пронизывает мое тело. И вот последний рубеж. Я чувствую, как солнце светит все сильнее, было ощущение, что оно испепелит любого, кто выйдет за пределы леса. Вышел на пыльную дорогу, и моим глазам открылись бескрайние зеленые холмы, окружавшие великое дерево. У дороги стоял большой грузовик, а под его брюхом сидел на корточках мужчина в потрепанном старом пиджаке, с молодой сединой на коротко выбритых волосах, которая говорила о том, что они, возможно, ровесники и неразлучные друзья. Это было видно по тому, как водитель, уже не молодой, пытался заменить лопнувшее колесо своего верного спутника.

Иссушенно, подняв бровь в мою сторону, он резко

вскрикнул грозным баритоном.

– Откуда ты взялся? И что ты стоишь? Помог бы хоть.

Быстро управившись, мужик не стал гнать меня куда подальше, а, наоборот, сам предложил вместе отправиться в сторону деревни. Открыв тяжелую скрипучую дверь, он ловко забрался внутрь, несмотря на свои пухлые формы.

– Ты идешь там или как?

Он окрикнул меня вслед, пытаюсь поторопить. Однако я повернулся, чтобы в последний раз взглянуть на это место, которое приняло меня. Улыбнувшись, я просто склонил голову перед великим духом природы. Мой друг остался рядом со мной, заскулив и прижимаясь ко мне, как бы не желая, чтобы я его покидал. Я опустил на колени, прижав его к себе. Волк, подобно человеку, пролил слезу и, слегка ударяя меня своими худощавыми лапами, пытался вернуть обратно в лес. Я хотел бы взять его собой, но он и дня не выдержит без свободы и своенравья. Пожелав мне удачи, он с опущенной головой, с легкой обидой вернулся обратно в бесконечный зеленый лабиринт. Я же, не отводя взгляда, запрыгнул в кабину грузовика, и мы поехали в сторону бесконечных душистых холмов.

Глава III

Дорога, усыпанная лепестками роз

«В добрый путь!» – так началась моя новая история. Водитель грузовика устало улыбнулся мне в ответ. Ему не при-

носило уже большого удовольствия отправляться в такие отдаленные места, в то время как я был наполнен радостью, наблюдая, как плотные зеленые леса медленно уступают место зеленым равнинам. Разговорились мы в пути, и мой спутник поинтересовался моим именем. Я с гордостью представился как Ристо, впервые за долгое время. Его взгляд нахмурился, и он замер в размышлениях, видимо, услышав это имя впервые. Уставший и сонный взгляд разбавлялся всякий раз, когда он очень колко шутил, при этом непроизвольно подпрыгивая от сказанной шутки. Он был находчивым и с определенной долей харизмы, и мне казалось, что он всю жизнь мечтал стать актером. Его местом должна была стать сцена, это было видно по его жестам, по его уже немолодому морщинистому лицу. Он с таким выражением рассказывал о своей жизни с самых малых лет, что я почувствовал себя маленьким ребенком, которому рассказывали сказки про небесные замки, принцесс и драконов. Мы были в пути несколько часов, и вскоре наше путешествие подойдет к концу. Перед нами открывалось море, прекрасное и синее, спрятанное за горами. Дети рассветного солнца отражались с блеском в прозрачной теплой воде. Солнце уже выплыло с самого дна моря и чертило ослепляющую дорожку от берега до самого горизонта. В его свете так же купалась та самая деревушка, которая стояла у подножья огромного дерева. Именно туда мы и направлялись.

Грузовик лениво и с некой усталостью преодолевал остав-

шийся путь, он был таким же уставшим, как и его хозяин. Наступив на землю, мы дружно потянулись и сделали глубокий вдох в унисон. Поблагодарив своего попутчика, я пожал ему руку, а он тем временем пожелал мне гладкой дороги. За воротами передо мной расстилались узкие улочки, выложенные круглыми серыми камнями, а с обеих сторон стояли уютные кирпичные деревенские дома, возвышающиеся на два этажа. По краям дороги высились старые потертые фонари, красоту которых я еще увижу позже. Сотни чаек кружили над головой, закрывая солнце своими белыми крыльями. Позади виднелись прекрасные горные хребты, увитые белыми облаками, что защищали деревню от холодных ветров. Люди вокруг были полны улыбок и безмятежности подобно волнам, которые так ласкал утренний бриз. Их улыбки были настолько искренними, что я почувствовал, будто вернулся домой после долгого путешествия. Все в этой картине дышало миром и простым человеческим счастьем. Передо мной открывалась главная площадь, которую я решил исследовать. Быстрым шагом я отправился в самое сердце деревни. Площадь была круглой формы, огибалась широкой дорогой, а в центре этого круга возвышался прекрасный сад с прудом. По краю маленьких тропинок стояли старые скамейки, позади которых доносился запах свежескошенной травы и сотен всевозможных цветов. По поверхности пруда грациозно скользили лебеди, в то время как утки неуклюже плескались рядом с ними. Утки, завидуя красоте своих белых

длинношеих собратьев, побрякивали им вслед при каждом удобном случае. Но лебеди были невозмутимы, уверенные в своей красоте, они продолжали медленный танец по воде. Весь этот пейзаж завершался массивными корнями древнего дерева, словно божественными швами, которые закрыли давнюю рану. С небес сыпались бесконечные белые лепестки, как хлопья снега, а ветер ласково закручивал их в волшебном вальсе. Корни простирались глубоко вниз, впитывая чистейшие подземные воды. Казалось, что из этой бескрайней глубины дерево черпало свою вечную мудрость и делилось ею с окружающим миром. Меня манило желание стать тем цветком, который растет на самой вершине, созерцать этот мир сверху и быть частью одного из древнейших существ, зная все тайны этого мира. Глядя на это, было трудно не согласиться, что мы тут не случайно, и есть кто-то или что-то мудрее нас. Древо было тем самым божественным провидением, одним из его детищ, и оно было и вправду прекрасно. Но, так же глядя на себя и на людей вокруг, я понимал, что каждый когда-либо живший в этом мире уже являлся маленьким чудом. Я верил лишь в одну истину: что Бог пребывает в каждом из нас, но это не делает нас богами.

Я мог бы навечно застыть в своих мыслях, пока не увидел ангела в людском обличье. Ей не хватало только белых крыльев. Казалось, она скрывала свой дар от мира, чтобы сбесречь его от черствых сердец. Она напоминала мне лебедя на пруду, который, плывя по воде, внушал прохожим восторг

своей непередаваемой красотой. Это была молодая, красивая девушка, лет двадцати, с золотистыми, как солнце, волнистыми локонами, бережно собранными лентой бирюзового цвета, которая гармонировала оттенком с ее льдисто-голубыми глазами. Тот самый редкий цвет глаз, который выглядит в зависимости от освещения то голубым, то почти прозрачным. В ее море волос виднелись белые полевые ромашки, а в руках была корзинка, сплетенная, возможно, ею самой, полностью наполненная ароматными белыми розами. Только такие тонкие руки, что тонки первой хрупкостью ветвей, украшенные длинными и изящными пальцами, могли создать такую работу. Ее губы были алого цвета, скрывая за собой не менее прекрасную и очаровательную улыбку. Когда она улыбалась, казалось, что и солнце становилось теплее, а в душе расцветала весна, несмотря на самые холодные морозы. Ее совсем не портили веснушки. Щедро рассыпанные по изящной переносице и острым скулам, они только подчеркивали белизну остальной ее кожи. Она улыбалась, наблюдая, как сотни лепестков вихрем выются над ее головой и уносятся куда-то в далекое море. Глаза вмиг приняли цвет лазурного неба и были наполнены жизнью и бесконечной любовью к ней. Из-под длинного сельского платья до колен, цвета ее ангельских крыльев, виднелись тонкие белоснежные ножки, обутые в белые туфли. Я и не думал, что она посмотрит в мою сторону. Я даже не ожидал, что она бросит на меня взгляд. Для нее я, вероятно, был всего лишь случайным про-

хожим, но вот наши глаза встретились, и ветер подул, с еще большей силой подтолкнув нас друг к другу. Она не смотрела в мои глаза, она смотрела куда-то в душу.

Этот день навсегда останется в моей памяти. Ангелы напевали свои мелодии в легком ветре, едва касаясь зеленых листьев деревьев. Весна пробудила Орлану, и наступил день ее расцвета. Каждый год жители деревни отмечают этот момент, исполняя песни и танцуя вокруг дерева. Решив подарить Мари ее любимые розы, я направилась домой. Не меняя своих привычек, я решила пройти через центральную площадь, где люди готовились к празднику. У пруда я заметила молодого человека, который не мог оторвать взгляда от Орланы. Я видела, как он закрывал глаза и вдыхал аромат белых цветов, парящих вокруг него. Он был подобен слепому, что вмиг обрел зрение и сейчас не может насытиться всей красотой вокруг. Открыв для себя что-то новое, он улыбался, будто произносил про себя: «Именно так я представлял этот мир». Это был молодой человек, по мне, он был на пару лет старше меня. У него было крепкое, но худощавое телосложение, и его руки казались сильными. В его лице трагически сошлись печаль и надежда. Под крыльями выразительных бровей его карие глаза с длинными ресницами излучали бесконечную доброту. Несмотря на первое впечатление, что он мог быть разбойником с большой дороги, было

достаточно посмотреть в эти добрые и бескорыстные глаза, чтобы понять его истинную натуру. Подойдя ближе, он начал смущаться, бросив свой взор на белых лебедей. И вот тогда я убедилась, что не ошиблась. Мы долго избегали взглядов друг друга, смотря в разные стороны. Стеснялась я не меньше его, но меня просто мучило желание помочь ему. Переборов себя, я заговорила первой...

– Вы знаете, это мои любимые лебеди. Правда, они прекрасны? – сказала я, запинаясь, испытывая неловкость.

– Да, они восхитительны. Пытаются украсть все мое внимание, – ответил он, взглянув на меня, прищурившись и улыбнувшись.

– Откуда ты? Ты путешественник?

– Я скиталец, без дома и без крова... и от этого мне неловко даже разговаривать с вами. Я не заслуживаю вашего внимания, – опустил взгляд, он покраснел от стыда.

– Почему тебе стыдно? Может, это я не достойна твоего внимания? Я никогда не судила людей по одежке, и тебе не стоит. Знаешь, все это чем-то похоже на подарок, обернутый дорогой фольгой, усыпанный белым жемчугом и белыми розами. Но рано или поздно ты все равно раскроешь его и даже не вспомнишь, какой была упаковка. Главное – что внутри. Так и с людьми.

– К сожалению, мой вид не годится даже на самую дешевую упаковку. И не знаю, какой из меня подарок. Надеюсь, что не хуже самой упаковки.

– Ты очень добрый человек, это выдают твои глаза. Этому миру, как никогда, нужна доброта, старайся не терять ее. У тебя есть имя?

– Меня зовут Ристо. – Он улыбнулся, словно окрыленный после моих слов.

– Абель. Очень рада нашему знакомству, Ристо.

Мы разговорились, беседа ни о чем. У меня было ощущение, что я знаю его целую вечность, настолько с ним было легко. Он рассказывал о случившемся, через что ему пришлось пройти, но это все меркло, когда он с огромным воодушевлением рассказывал о пении птиц и музыке ветра, что шли с ним рука об руку в его путешествии сюда. Я понимала его с полуслова, ведь я так же, как и он, никогда не перестану наслаждаться этими мгновениями.

– Абель, расскажи мне об этом древе! – Он восторженно воскликнул, как ребенок, которому читают сказку перед сном. Поддавшись его детской наивности, я рассказала ему то, что мне когда-то рассказывала Мари перед сном.

– Это Орлана. Сегодня день ее цветения, и все местные жители отмечают этот праздник. Существует легенда о том, что один из первых ангелов, спустившихся в этот мир, прихватил ослабевший росток, который он и посадил в надежде взобраться по стеблям в райский сад. Люди считают, что именно Орлана взрастила все деревья в этом мире. Говорят, если встать под падающие цветки, можно увидеть близких людей, которых ты когда-то потерял, так как души людей

возвращаются к Орлане и ждут своего часа, чтоб отправиться в Целестию.

– Целестия? А что это? – спросил Ристо, все так же увлеченный.

– Целестия – это мир ангелов, светлый и небесный. По преданию, сюда направляются души праведных. В последние годы Орлана цветет все ярче, ее цветы способны заслонить небо, как сегодня. И хоть это красиво, мне кажется, что с каждым годом ей становится все тяжелее, и это иногда меня печалит.

Ристо по-новому взглянул на Орлану, будто искал кого-то из прошлой жизни, в надежде найти ответы на интересующие его вопросы. Он подставил уставшие руки ладонями вверх, чтобы поймать первый опавший цветок.

– Этот цветок излучает тепло... – тихо прошептал Ристо, закрыв глаза. – Ты обязательно их найдешь. Нужно только поверить.

В этом мгновении зародилась надежда, как тот молодой росток, что посадил один из первых ангелов. Слабая, но полная желания жить.

– Ристо, подожди здесь. Я скоро вернусь и принесу тебе немного еды, – сказала я, оставив его под деревом Орланы, где он искал ответы среди опавших цветов.

Я поспешила домой, думая о Ристо. Я понимала, что этот молодой человек, несмотря на свою скромность, обладал невероятным внутренним богатством – добротой и чувством

уважения к миру вокруг него. Это вдохновляло меня.

Я никогда не встречал человека милосерднее Абель. Ее слова дали мне крылья и чувство, что могу двигать горы, а самый сильный шторм мог казаться мне штилем. Сердце наполнялось надеждой, поселив само солнце у меня в груди. Я больше не чувствовал себя одиноким и запертым внутри стен своих собственных сомнений. Она, подобно тому водопаду в лесу, окончательно очистила мою душу, заглянув в самые глубины моего внутреннего мира. Я был готов ждать ее вечно, стоя у нашего места встречи, у пруда с прекрасными белыми лебедями. Вскоре я увидел ее снова. Эти несколько минут казались вечностью, а на миг я и вовсе испугался, что она не придет. Но она приблизилась ко мне и протянула тарелку с горячим куриным супом. Моя благодарность была безмерной, и я не мог перестать задавать себе один и тот же вопрос: чем я заслужил такое доброе отношение к себе? Мы беседовали до самого вечера, смеялись, улыбались и просто радовались жизни. Это был момент, когда я чувствовал, что место, где я находился, идеально подходит для начала новой главы в моей жизни.

– Ристо, уже поздно, мне нужно идти домой. Была очень рада нашей встрече.

Она ушла на юг, туда, где вечная весна и белые птицы, а я направился на север, встречать холодные ветра. Мы оба

несколько раз оборачивались, медленно удаляясь друг от друга. С того момента, как дверь ее дома закрылась, я начал отсчитывать минуты до нашей следующей встречи. В ее доме зажглись свечи, и издали я видел, как она бросилась в объятия другой женщины. Я был рад за нее. У нее были дом и близкие люди. Может быть, и я не одинок? Может быть, где-то вот в этом доме меня ждут родные? Глаза матери ночами проливают океан из соленых слез, а отец и вовсе утратил всякую надежду. С разбитыми и далекими, как самая яркая звезда в небе, мечтами о семье я шел, как призрак, оставшийся на земле из-за незавершенных дел. Еще пару часов назад на узких улочках деревни кипела жизнь, а с наступлением темноты все вмиг изменилось.

Глава IV

Встреча на шипах роз

В домах, как и у Абель, зажглись свечи, и силуэты сливались воедино в объятиях. Некоторые помогали на кухне, другие разжигали дрова в камине, отчего из окон едва доносился тихий треск тлеющих дров. Вставая у каждого окна, я с чувством глубокой тоски наблюдал за счастливыми людьми, которые могли воссоединиться после дневной разлуки. Шел по холодной земле, и ветер с силой бил мне в спину, торопя куда-то. С обеих сторон вдоль узких аллей, словно солдаты в ночном карауле, неподвижно стояли фонари. Днем я не мог толком разглядеть их красоты. Это были потертые чу-

гунные стражи, высотой в три метра, преданно освещавшие каждый уголок. Все это время я ощущал себя одинокой душой, запертой в этом мире. Душа, отвергнутая небом, что обречена бродить среди людей, подобно ветру. Но, несмотря на все это, счастье переполняло меня от ощущения бытия. Я был рад вдыхать прекрасные ароматы жизни, видеть глубокие, наполненные смыслом картины, что она рисует, и слышать прекрасные симфонии, что исполняет многочисленный оркестр природы. Подняв руки и свой взгляд в ночное небо, я пытался дотянуться до пылающих звезд кончиками пальцев. Я шел, освещаемый светом звезд, к самому высокому холму, который находился недалеко от городских ворот. Взобравшись на самый верх по протоптанной, каменистой тропе, присев у обрыва, я устремил свой взгляд на красоты ночной деревни. Десятки пылающих фонарей и слабый свет, проникающий из сотен прозрачных окон, отражались на ночном небе, создавая светящиеся радужные полосы, как северное сияние. Танцующие тонкие линии, переплетающиеся воедино в ночную радугу, то вовсе исчезали, то появлялись вновь, мелькая вдали, как мираж.

На фоне этой ночной симфонии красок и звуков я почувствовал, как что-то изменилось в воздухе. Вдали, на противоположной стороне вершины, между деревьями загорелся багровый свет. Это был не свет тех фонарей, что освещали деревню; это было что-то более устрашающее. Шаг за шагом я приближался к этому источнику света, ощущая, как напря-

жение растет внутри меня. Подойдя ближе, я с трудом различил таинственную фигуру мужчины, стоящего спиной ко мне, взор которого был направлен на деревню. Его черный плащ струился в ночи и казался полотном, созданным самой ночью, поглощающим свет и звук вокруг. Каждое его движение было взмахом мрака, и плащ словно оживал, поглощая его фигуру и сливаясь с окружением. Плащ был длинным, достигал пола и закрывал его фигуру так, что не было видно ни малейших подробностей его одежды. Он вступал в союз с ночью, превращаясь в тень, которая могла скрывать его и предохранять от нежелательных глаз.

– Кто вы? – спросил я, но мой голос померк в ночи.

– Я тот, кто ищет, и, мне кажется, я скоро найду то, что так долго искал.

Незнакомец медленно поднял свою белоснежную руку и указал вниз на деревню, жестом обращая внимание на то, что находится там.

– Что именно вы ищете? – спросил я, чувствуя, как невидимая нить начинает тянуть меня к нему.

– Я пришел сюда искать то, что давно утрачено, что может изменить ход судьбы.

Незнакомец повернулся ко мне, и ветер, пришедший с другого конца земли, внезапно разразился бурей, пытаясь разорвать ту нить, что соединяла нас. Его мраком окутанный плащ колыхнулся на ветру, и из-под черного капюшона, сквозь узкую прорезь в белоснежной фарфоровой маске, на

меня обрушился его пронзительный взгляд. В этот момент царил лишь звенящая тишина, перебиваемая звуками моих собственных криков. Я почувствовал запах дыма, хотя ничего не горело вокруг, а его темный плащ, как гигантские крылья ночной птицы, начал медленно распространяться, затмевая все вокруг. Тьма поглощала меня, и маленькие огоньки ночных звезд казались мертвыми точками в этой безбрежной пустоте. Мне стали ясны видения будущего. Я увидел Орлану, окруженную огнем, небо бушует в багровых оттенках, белые цветы горели, как бесы, поджигая море. Дома разрушались, как судьбы людей, и детский плач с криками «Мама, где ты?» разносился повсюду.

Моя душа взрывалась от боли и страха перед этим мраком, предвещающим нечто ужасное.

– Что это за видения? – прошептал я, не в силах отвести взгляд от маски, скрывающей его лицо.

– Это будущее, которое может наступить, если я не найду то, что ищу, – загадочно отозвался незнакомец. – Это будущее, которое можно предотвратить или изменить. К сожалению, это случается снова и снова. – Не отводя взгляда, он произнес это осипшим голосом, с чувством глубокой тоски. Боль становилась невыносима и видения оживали наяву.

– Я не позволю этому случиться!

Я закрыл глаза, и передо мной предстал образ Абель. Ее слова и доброта вновь наполнили меня изнутри, как вдруг я почувствовал сильный жар в груди, откуда зародился свет,

подобно рождению нового солнца, он пронзил мрак и тьму, окружавшие меня.

Некогда мерцающая в его черных глазах искра решимости на миг потускнела, и прежде, чем исчезнуть, он лишь обронил холодную ухмылку со словами: «Мы еще не раз встретимся, Ристо».

Я упал на землю от бессилия, и мои потяжелевшие веки закрылись в один миг.

Глава V

Дом

С глазами, полными тревоги, я очнулся ранним утром, настолько ранним, что даже солнце еще не проснулось. Постепенно утихали мрачные видения и запах гари, и я, ведомый дурными мыслями, резко вскочил, до головокружения, чтоб убедиться в том, что с деревней все в порядке. Вздохнул с облегчением, передо мной все так же величественно возвышалась Орлана, целая и невредимая. Сев у обрыва, там же, где и стоял таинственный незнакомец, я пытался понять, что именно значат его слова. Откуда ему известно мое имя? Неужели этот человек как-то связан с моим прошлым? Что именно он пытается найти? Погрузившись в пучину раздумий, которые только и порождали новые вопросы, я утрачивал всякую надежду на просветление. Вдохнув полной грудью чистый утренний бриз, я отправился обратно в деревню.

Мысли мои расплывались одна за другой, как звезды, бес-

помощные перед натиском молодого солнца. Издали стало виднеться синее море, которое нежно ласкало побережье, припудренное белым песком. Небо преображалось в сине-оранжевые оттенки, будто огненная колесница промчалась вдоль горизонта. С течением времени небо разделилось на несколько пластов. Низко у горизонта ярко горела огненная полоса, неуклонно расширяясь. Над ней расцветали разные оттенки, от розового до фиолетового, и казалось, что каждый цвет боролся за право представлять солнце. Это было похоже на марш сил света. Вечная битва двух полюсов и укладов, которая вот-вот должна была начаться, и длится она с начала времен. Мир принадлежал луне с ее ночными светилами, но солнце, ослабленное предыдущей битвой, набирало силу. Звезды медленно угасали, покидая поле битвы, остерегаясь тепла и света грядущего солнца. Небо становилось все ярче и светлее. И вдруг у меня застыло дыхание. Я увидел, как пылающая сфера медленно поднималась из холодных вод. Цвет ее был алым, и пылало оно точно как мое сердце. Дети солнца рванулись ввысь, вмиг окунув мир в тепло. Волна золотых лучей, как стая диких лошадей, невзирая на препятствия, стремительно приближалась к деревне. Вскоре солнце накрыло всю деревню и двинулось дальше по своему небесному пути. А я продолжил свой путь обратно, на этот раз пронзенный наповал небесными стрелами.

Войдя в еще сонную деревню, я изредка встречал некоторых жителей, которые неторопливым шагом уходили ку-

да-то по своим делам. Окутанный легкой прохладой, я шел в сторону дома Абель, из окон которого можно было увидеть пруд в саду. Мои шаги были едва слышны, когда я тихо проник на задний двор. Отсутствие мужчины в доме было ощутимо: сад, который обычно поддерживался в порядке, теперь выглядел слегка запущенным, а дрова оставались не колотыми. Решив выразить благодарность Абель, я принялся за труд. Мое усердие наполняло воздух стуком топора и треском ломающегося дерева. Я старался вкладывать в каждый удар силу, сохраняя при этом тишину, чтобы не потревожить спящих хозяев. Раз за разом сухие бревна раскалывались надвое под моей рукой, а сорняки исчезали из сада. Моя преданность и благодарность перед Абель проявлялись в каждом взмахе топора, и я тихо продолжал в надежде не споткнуться обо что-то звенящее.

И вдруг я ощутил, как чье-то присутствие настигло меня, словно кто-то внимательно наблюдал за моей работой. Медленно обернувшись, я заметил женщину с легкой сединой в когда-то ярко блестящих золотых волосах. На ее слегка морщинистом лице проступали недоуменные голубые глаза. Она стояла с ровной спиной, скрестив свои аристократичные руки, похожая на женщину из благородного рода. Она не торопилась заговорить, а внимательно исследовала меня взглядом, начиная с головы и спускаясь до ног. В тот момент, когда она, наконец, прервала молчание, ее голос пронзил тишину.

– Ты, должно быть, Ристо. Абель рассказывала мне о тебе. Как мило с твоей стороны, что ты помог наколоть дров и избавил сад от сорняков. Все же не женское это дело – махать топором, так что спасибо тебе.

Улыбнувшись, она медленным шагом пошла мне навстречу, не размыкая рук.

– Простите, если разбудил вас. Я просто хотел таким образом выразить свою благодарность.

– Ах, мой дорогой, – произнесла она, растягивая каждый слог. – Не стоит просить прощения. Скорее, это я должна тебя благодарить. Ах, где мои манеры... меня зовут Мари, я мама Абель. – Они были вправду похожи. Сходство между ними было тяжело оспорить, несмотря на заметный след времени. – Позволь пригласить тебя в дом. Абель все еще спит. Как видишь, даже столь громкий шум не способен ее разбудить.

– Старался все делать как можно тише... Неужели все было так громко? – спросил я, почесывая голову от легкого стыда.

– Поверь мне. Это было очень громко, – рассмеялась Мари, приоткрывая дверь в дом.

Дом оказался очаровательным и наполненным уютом. Пол скрипел под ногами, а на стенах висели картины с изображением природы, и я почти мог почувствовать свежий ветер и услышать шум моря. В гостиной мой взгляд привлек камин, его пламя медленно плясало и создавало умиро-

творяющий свет. Дрова лопались, слегка пощелкивая, приглашая меня насладиться этой домашней симфонией, ведь как кстати напротив камина расположились два деревянных кресла со следами от прыгающих искр. Рядом с лестничным пролетом стояло старинное пианино, его темное дерево сливалось с окружающей обстановкой, словно оно было душой этого дома. Я не мог удержаться от мысли о том, как было бы здорово услышать прекрасные мелодии, которые этот инструмент способен создать. Пианино подобно проводнику между этим миром и душой, способно выразить чувства сильнее любых слов. Если тебя одолевает печаль, она воссоздается и рождается в звуке.

– Абель очень любит это пианино. Она никогда не училась музыке, но когда она играет, кажется, что ангелы ведут ее руки, – сказала Мари, бережно закрыв крышку пианино и подойдя к кухонной печке.

– У вас внушительная коллекция книг, – подметил я, когда оглядел соседнюю комнату, стена которой была вся заставлена книгами.

– Да, мой муж Геральт обожал читать, и это увлечение передалось Абель. Она могла прочитать несколько книг за один вечер. Эти книги напоминают мне о нем. К сожалению, Геральта больше нет с нами, он умер, когда Абель была еще совсем маленькой.

– Мне жаль, Мари, – прошептал я едва слышно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.